

* * *

Гостиница. Провинциальный сон
Сокурова о Чехове. Темнеет.
Портье кряхтит, заводит патефон
и, слушая Высоцкого, потеет.
Гремит ведро. Разбитый коридор
скоблит хозяйка с бронебойным задом.
Обои цвета яда, едкий хлор.
Романтика, разбавленная матом,
в которой мне дописывать роман
о городе с кислотными дождями,
о том, что если снится океан,
не нужно ждать, о том, что между нами
не просто неумение простить,
а глупости и гордости в избытке,
о том, как эту зиму пережить
и не свихнуться, избежать попытки
повеситься ли, спиться – все равно...
О мире, что тебе еще не ведом,
в котором океан шумит в окно
и пахнет дом цветами и обедом.

* * *

это уже привычка жить с умершим быть одной
разговаривать с денисом александром виктором ольгой элиной
записывать сказанное видеть раскачивающийся маятник над головой
становиться к вечеру кровотокащей

не помнящей ничего о любви глиной

и методично учиться безумию несмотря
на предрасположенность к четкому здравому смыслу
к сути вещей от начала в роддоме до какого-нибудь декабря
за которым за болью замерзнет любое подобие мысли

все мы один пропал другой умер третий не дождался ушел
ждали ее звонили ей писали письма за которые теперь стыдно
ее фотография это нечто я думаю главное чтобы ей было хорошо
она улыбается здесь а всего остального не видно

* * *

Как ты заходишь, говоришь,
Не называя произносишь.
Прощай, Париж! И ты паришь
И тонким пальчиком выводешь

На запотевшем «Андроник»
И смотришь в букву А так долго,
Что возникает мой двойник
И улыбается неловко.

А там, за Гомелем, война,
И пишут разное и просят
Кто поцелуя, кто вина,
Названивают, мозг выносят.

Но рыжий мониторный лис
Качает гривой и смеется:
Мы все у Бога удались!
Не хмурься, розовое солнце!

* * *

Я знаю, что я – это тот, кто в оконном стекле
На синий бульвар, на осенний бульвар, на дождливый
Никак не насмотрится. Я – это тот, кто ко мне
Уже не вернется, ко мне в этот быт говорливый.

Ему – на Каляевской осень. Чудной человек –
Он смотрит в окно и бормочет моими стихами.
Он видит один, как качается над головами
Ноябрьский ливень, и дождь обращается в снег.

* * *

здесь расставляешь ящики по углам
заходишься кашлем задыхаешься почти не дышишь
читаешь рукописи молишься разбираешь хлам
и пишешь

там в недописанном воздухе в достатке сна
море смешалось с небом вино и ужин
и геометрия проще и суть ясна
времени больше нет и бог не нужен

* * *

Как мне говаривал некогда старый мой враг
После кагора в прокуренном баре Алушты:
Жизнь такова, какова она есть, и не факт,
Что обязательно я – новоявленный Пушкин.

Пусть его! Я не жалею, и то хорошо,
Что, забывая о многом и многих, он помнит,
Как мы когда-то глушили дешевый крушон
Ночью в одной из чужих меблированных комнат.

Как он тащил меня пьяного целый квартал
И у одной незнакомой веселой подруги
Чаем отпаивал, как я стихами орал,
Плакал, хватая хозяйку за белые руки.

Разве не стоит все это того, чтобы пить?
Разве... И он наливает, и девочка в белом
Что-то поет о любви, и не хочется жить
В мире таком неумелом.

* * *

Зимние сумерки особенно хороши.
Идешь, поскрипывая светло-синим снегом.
Немного ветра, дверью подъезда хлопает от души
Женщина, скользит, бежит, врезается
в толстый сугроб с разбега
И смеется. Думаешь, так не бывает? Да,
Так не бывает у вас, у нас же – сплошные сласти –
Эта обледенелая вода.
Кронштадтская изморозь. Кто вы? Входите! Здрасте.
Идите к огню. Чаю хотите? Там
Стихи вполголоса, водка, потом – поцелуй на морозе,
Бадью с Бодлером. Прижатая мной к домам,
Она говорит со мной – как это? – «на полном серьёзе».
Забавная. Дальше сгущается молоком,
Густыми сливками пахнет морозный воздух.
Господи, как это здорово, что я с Тобой знаком!
И как это всё по-настоящему – не серьёзно!